

КСЮША ИВАНОВА

ИЗМЕНУ

ГОРДЫМ НЕ ПРОЩАЮТ

Современный любовный роман

Ксюша Иванова

Измену гордым не прощают

<https://litres.ru/74212488>

Аннотация

Дани – гордая. А гордые женщины, узнав об измене любимого мужа, не устраивают скандал, не выясняют отношений и не рыдают над портретом изменщика! Гордые быстро и решительно собирают вещи и уходят, оставив записку: «Гордей, я тебя больше не люблю. Не ищи меня». А еще гордые никогда не подают на алименты, не молчат в трубку, не ищут встреч, не... Гордые женщины измен не прощают! Гордей – гордый. А гордые мужчины легко вычеркивают из своей меганасыщенной жизни предательницу. Нет, ну, а почему она вдруг ушла? Разве я ее не любил? Разве на руках не носил? Разве не женился? Что еще нужно было? Я для нее всё! А она: «Не ищи меня!» А я и не собирался! Гордые мужчины предательниц не прощают! И только любовь прощает всё...

Содержание

1 глава. Ламинат	4
2 глава. Ненавижу и люблю	8
3 глава. Новый заказ	15
4 глава. Дети, машины и прочие неприятности	21
5 глава. Зараза, Мерзавка, Предательница - имена любимой женщины	26
6 глава. Друзья	31
7 глава. Бабы, что с них взять	35
8 глава. Отравлена	40
9 глава. Нокаут	45
10 глава. Решение	50
11 глава. Два упрямых... человека	54
12 глава. Уметь быть счастливой	59
13 глава. Новые обстоятельства	64
14 глава. На шаг ближе	68
15 глава. Ликбез для отца	72
16 глава. Стрекоза в ладони	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

1 глава. Ламинат

А-ай, крик между ребрами сжат,

И нам не встретиться...

В рай, не полетела душа.

Больше не светится.

Ад. Что же мы сделали шаг

В разные стороны.

Над мертвой любовью кружат

Черные вороны... (НЮ "Вороны")

Пятый час идет обсуждение рекламного слогана для ламината от «Август-групп». Литры кофе выпиты. Мир задымил весь офис, и теперь, когда он в очередной раз достает свою сигару, Француз, как сидящий ближе всех, замахивается на него куском ламината, принесенного заказчиком не иначе как для нашего вдохновения. Мир, недовольно скривившись, прячет сигару в широкий карман очередной своей рубахи а-ля брутальный русский мужик. Вздыхает и выдает:

- Идея такая: три мужика с косами. Такими ручным, старинными. Перепоясаны кушаками, в русских рубахах. Синхронно косят траву. Вместо травы – кусочки нашего ламината. В смысле, не нашего, - стреляет глазами в пол. - А от «Август-групп», естественно!

- Слоган: «Коси, коса, пока роса?» - скептически кривится Француз.

- Примитивный ты, Леон, как французская устрица! Слоган: «Большой урожай низких цен»! Ну! Урожай-косить-мужик... Улавливаешь гениальную мысль? Можно еще поиграть со словами «Август», «август-групп», «урожай в августе», - Мир быстро зарисовывает все сказанное на одном из своих неизменных белоснежных листов таким же неизменно остро заточенным простым карандашом.

- Где она? - глубокомысленно изрекает Леон.

- Кто "она"? - спрашиваю, не успев уловить его посыл.

- Связь между ламинатом и урожаем!

Никита, явно не услышав последние наши фразы, выдвигает свое (очередное бредовое) предложение:

- Давай, лучше не мужики, а девушки с косами? С косами, в смысле, на голове! На кустах смородины вместо ягод растут кусочки ламината... Они собирают в корзинки...

- Ой, бре-е-ед! – Француз стыдливо закрывает куском рекламируемого продукта лицо, рукой взъерошивает свои, уже давно растрепанные от тяжелого мыслительного процесса, волосы. – Ну, та-а-акого бреда я еще не слышал! Никитосу хоть куда-нибудь бы бабу приткнуть! Не может он без женщин! Слышь, Гордый? Может, хоть уборщицу возьмем? Ту, что тебе Мир на прошлой неделе сватал? Как ее там – бабу Валью? А то Никите без женского внимания грустно!

Да. У меня с некоторых пор пунктик. Никаких баб в агентстве! Даже секретарь - парень. Даже уборку делает знакомый старичок. Потому что бабы – подлые, нелогичные, же-

стокие. С ними невозможно договориться! С нею... точно было невозможно.

Как замороженный слезу за кончиком карандаша Мирослава, который быстро-быстро штрихует тени от изображаемых им косарей. Но не вижу рисунка. А вижу ЕЕ портрет. Тот самый, что Мир подарил нам в день свадьбы.

Пока все пили за праздничным столом, он рисовал Дани. И сумел передать не только ее потрясающую красоту, но и чувства... те, которые она тогда ко мне испытывала – взгляд полный обожания, восторга, нежности... Точнее те чувства, которые, как я считал, она ко мне испытывала. Она была тогда такой красивой, такой восхитительно утонченной... самой лучшей... И я был счастлив безумно, невозможно, как, никогда в своей жизни ни до, ни после...

Сердце болезненно и привычно сжимается. Блядь! Обещал же себе держать в руках эту невероятную тоску и не давать ей возможности вырваться наружу!

Сосредотачиваюсь на долбанном ламинате, силой воли давя в себе память о своей жене... И идея приходит в голову как всегда неожиданно.

-Если тебя бросила жена, смени пол... - изрекаю я многозначительно.

Краем глаза замечаю, как переглядываются, обмениваясь понимающими улыбками, Мир и Француз. И добавляю:

-А заодно окна, потолок и входную дверь!

-Это лишнее, - Никита записывает мой вариант и, похоже,

не вникает в иронию остальных. - Нас не уполномочивали рекламировать двери и окна!

-А реклама ЛГБТ вообще законом запрещена! - смеётся Мир.

-И где тут реклама ЛГБТ? - вызвериваюсь я.

- "Пол смени" - Ника вдруг осеняет многозначительность фразы.

-Ну, так-то неплохо, - соглашается Леон. - Единственное, я бы не стал картинку со страдающим по ушедшей жене мужиком клеить. Просто слова на темном фоне. И, конечно, ламинат на полу вокруг. Всё. Лаконично и стильно.

2 глава. Ненавижу и люблю

-Ни за что на свете! Ни за что! Я лучше уволюсь! Или как там эта процедура называется? Уйду из нашего бизнеса!

Бегаю по палате от окна к двери, цепляясь каблуками за кусок линолеума, оторвавшегося возле кровати Айнура, и рискуя, как и он, навернуться и сломать себе что-нибудь.

-Не уволишься, - морщась, бросает он.

-Тогда! Тогда я...

Что бы такого придумать? Что?

-Я с тобой разговаривать не буду! Знать тебя не хочу! Ты же знаешь, что я видеть его не могу! Ты знаешь, что он со мной сделал и все равно решил его нанять, именно с его агентством заключил договор! Ты - такой же предатель, как и он!

-Ну, во-первых, - меланхолично начинает он. - Ничего я не знаю. Ты ничего, кроме того, что Трофимов - предатель, никогда не говорила. Во-вторых, я же не думал, что сломаю руку! Ты бы и не узнала ничего! Я сам бы всё решил, без твоего участия! Мы оба с тобой знаем, что "Лаборатория рекламы" Трофимова - лучшая в своем сегменте! И нам сейчас, на нашем этапе, нужны именно они! Знаешь ли, не каждый день маленькие кофейни, типа нашей с тобой, открывают филиалы и становятся сетью! Ну, и они нам скидку сделают...

- Скидку? - свирепею я. - Значит, ты, как обычно, чисто в

целях экономии, запросто предал и меня, и своего племянника?

- Вот давай не будем, а? - морщится Айнур. - Ты знаешь, что именно я думаю по поводу Эмиля! Ты не имеешь права скрывать его от отца! Да элементарно! Одна случайная встреча - и Гордей сразу поймет, чей он сын! Вы же в одном городе живете!

- Но пока даже я с ним ни разу не встретилась! За три года ни разу! А потом, когда в Новгороде филиал откроем, как собирались, я туда уеду с мамой и Эми!

- Нам пока с этим филиалом разобраться нужно...

Это точно.

- Мне кажется, нам нужно немного отложить открытие! - жалобно говорю ему, присаживаясь на кровать рядом. - Я одна не потяну! Ты - мастер, ты - главный, я - просто помощница, исполнитель! Там еще конь не валялся - персонал не отобран, меню толком не составлено, ремонт не доделан! Там кредит в процессе оформления! И еще реклама! Нет-нет-нет! Я не могу! Я не хочу...

- Дани! Еще вчера всё это тебе даже нравилось! И ты была готова горы свернуть! - Айнур взмахивает гипсом, кричится от боли и, прошипев сквозь стиснутые зубы пару ругательств, продолжает. - Ну, хочешь, я договорюсь, чтобы с тобой работал кто-то другой из команды, не Гордый?

Хочу-хочу-хочу! Но это невозможно совершенно. Я знаю весь уклад их агентства - именно там я с бывшим мужем

познакомилась, именно там начиналась моя карьера... Они всегда принимают решения вчетвером, придумывают вчетвером. Гордей все равно узнает, кто заказчик. И сделает все, чтобы помучить меня побольше!

Останавливаюсь у окна. Смотрю невидящими глазами на то, как ветер гнет тонкие, едва тронутые зеленью, ветви берез в парке через дорогу, как несет по небу тяжелые темные тучи. Жанна, моя подруга, секретарь Айнура, часто говорит, что время лечит. Но вот не лечит оно нифига! Меня во всяком случае не лечит абсолютно. Мне все также больно.

Прислоняюсь лбом к оконному стеклу. Оно холодное. Лоб горячий. Простудилась я, что ли? Или это меня от воспоминаний так трясет?

Гордей... Как же мне тебя не хватает.

Ненавижу тебя!

Скучаю.

Презираю!

Люблю.

Видеть не желаю!

Но забыть, забыть не могу!

Как забудешь, если я ушла от тебя не с пустыми руками? И по вечерам кто-то очень на тебя похожий каждым движением, каждым взглядом, взмахом длинных ресниц... о тебе...

На мгновение зажмуриваюсь. И в памяти возникает так ясно, как будто это вчера случилось:

... - Трофимова! Как звучит здорово! Не то, что какая-то

там Рахимджанова! Конечно, она возьмет фамилию своего мужа! Слушай, Айнур, я не знаю, какие там порядки у вас на Родине, но у нас давно заведено - как мужчина скажет, так женщина и сделает! И, вообще...

Комкаю альбомный лист с неудавшимся рисунком и со своего кресла метко запускаю его Гордею в плечо. Удивленно оборачивается. Озадаченно ерошит модную стрижку, прикрывая ладонью телефон.

- Че за бунт на корабле? Видишь, я свидетеля уговариваю!

- Я еще не дала согласия на смену фамилии! И отцу обещала, что оставлю свою! И разве брат невесты может быть свидетелем на свадьбе?

- Айнур, я перезвоню. Во сколько? Да минут через пять перезвоню. Мне тут надо... Надо кое-что в общем.

Бросает телефон в кресло. А через пару секунд бросает на стоящий рядом диван меня. Придавливает собой так, что мне вроде бы и не тяжело, но в то же время пошевелиться невозможно совершенно. Рука каким-то непостижимым образом оказывает под бюстгальтером и накрывает грудь. Сосок чувствительно утыкается в горячую ладонь.

Кусает за нижнюю губу. За подбородок. За шею. За кромку уха.

- Ай-я-яй! - пишу, пытаюсь вывернуться.

- Ты моя? Отвечай немедленно! - рука, пощипав сосок, пощекотав ребра, вырывая из меня судорожный смех и заставляя брыкаться из всех сил, легко проникает под резинку

домашних лосин и нащупывает перешеек трусиков.

- Нет-нет-нет! - тело само, непроизвольно выгибается навстречу этим наглым рукам. И я скорее именно его уговариваю, чем Гордого.

- Не-е-ет? Не моя?

- Твоя-твоя-твоя! Чья же еще? Конечно, тво-о-оя! - подушечки начинают мягко массировать самые чувствительные точки.

Убрав руку, через одежду толкается внушительной выпуклостью, шатром приподнимающей тонкую ткань спортивных домашних штанов мне между ног. И я дрожу. Глаза закатываются.

И очень скоро я забываю о том, что он там мне хотел доказать, о чем мы спорили. Только Гордей не забывает.

Он хорошо меня чувствует. Он знает, как именно я люблю. От чего улетаю. Нежный долгий секс. Его жаркий шёпот. Особенно когда на ухо произносит, что любит... И потом, когда я подхожу к пику - сильные мощные даже толчки...

И специально замедляется во мне, когда я буквально повисаю на самом пике.

Извиваюсь под ним, мало понимая, где я и что он от меня хочет...

-Ты моя?

-О-о!

Пара быстрых толчков, мучительный стон мне в ухо.

-Словами, Дани! Ты моя?

-Да-а-а...

Ногтями впиваюсь в его ягодицы, подстраиваясь под толчки, пытаюсь заставить его ускориться.

-Выйдешь за меня замуж? - хрипит, чувствительно кусая за шею.

Тут я даже не сомневаюсь:

-Да-а-а...

И тут же, без передышки:

-Возьмёшь мою фамилию? - и снова останавливается, едва покачиваясь во мне.

И я в порыве чувств, с затуманенным страстью мозгом тяну его на себя, тянусь к губам, извиваюсь...

-Только после "да-а-а"! - сдавленно смеётся он.

И я сдаюсь...

- Да-да-да...

... -Смотри! Ты пообещала...

История об Айнуре <https://litnet.com/ru/reader/vorobyshek-dlya-bossa-b450758?c=5173522> "Воробышек для босса"

Дорогие друзья, заранее предупреждаю о том, что героиня может показаться несколько инфантильной, изнеженной барышней. Но так уж получается, что все мы разные, она вот такая. Тем не менее события, которые в книге будут происходить изменят ее, и в итоге, в конце, это будет уже совсем другая Дани. Что еще? В книге присутствует obscene лексика и сцены 18+,

впрочем, как и всегда в моих историях)

И, конечно, подписывайтесь на мой телеграм-канал - ссылка во вкладке "Обо мне". Там можно увидеть визуалы героев, ну, и пообщаться со мной поближе!

3 глава. Новый заказ

Опасно лавируя, кручусь по переполненной стоянке возле здания, в котором располагается наш офис. Обычно с утра места не найти, а после обеда потихоньку начинает освобождаться - посетители местных магазинов, сделав покупки, разъезжаются по домам. Но сегодня в конце рабочего дня не приткнуться.

Телефон пиликает очередным входящим. Кошусь на него, думая, что это снова Француз - команда заждалась меня. Там, вроде бы, очень удачный мозговой штурм у них был сегодня. Без меня. Так бывает редко. Но теперь бывает...

Звонит Айнур Рахимджанов. Айнур?

С Айнуrom, братом моей бывшей жены, когда-то мы были очень дружны. Именно он меня с ней и познакомил. Но потом, когда Дани ушла, оставив ту несуразную записку, и я, естественно, пытаюсь разобраться в ситуации, приехал к нему, Айнур даже разговаривать не стал. Так я одновременно потерял и друга, и любимую женщину...

Сердце сжимается, как будто это мне не мужик звонит, а ОНА сама!

Сначала от неожиданности и близости к ней сжимается. А потом от осознания - просто так бы он звонить не стал. Мой бывший друг ясно дал понять, когда я пытался выяснить, почему она меня бросила, что он на стороне сестры, хоть и не

знает причины. Такой же предатель, как она.

Не взять? Но вдруг... Вдруг с ней что-то?

Останавливаюсь посередине парковки, наглухо перекрывая проезд. Хватаю телефон.

-Да!

От ужаса, что с ней беда, сердце в груди лупит отбойным молотком! Только не это! Да, я желал ей зла! И ненавидел её. Особенно в первые месяцы, когда подыхал от тоски. Но ведь это же было в сердцах, не по-настоящему! Нет! Да я что угодно отдам, только чтобы она была жива!

Сзади сигналият. Врубаю аварийку. Я физически сейчас не могу ехать.

-Здравствуй, Гордей.

-Приветствую тебя, Айнур.

-Уделишь мне несколько минут?

-Да.

Пытаюсь по голосу понять заранее, с чем он звонит мне. Чтобы его слова о ней, когда они все-таки прозвучат, не шокировали слишком сильно. Но голос кажется спокойным.

-У меня новый бизнес, - чётко и по делу начинает он.

И я выдыхаю. Это странно, да. Но меня окатывает таким ощущением радости, словно мне сейчас не про бизнес сказали, а... о моём выигрыше в лотерею, или там о том, что кредит одобрили. Нарочно не позволяю себе думать, что подобную радость я, скорее всего, смог бы испытать только от встречи с ней. И снова вру себе... Разве я бы обрадовался,

появись сейчас Дани перед моими глазами? Я бы разозлился, да что там! Я бы в ярость впал! Психовал, выходил из себя, устроил бы разборки... И неважно, что прошло три года с того дня, как мы виделись в последний раз.

-Помнишь, я кафе открыл три года назад?

Как не помнить, мы там свадьбу гуляли... Блядь. Какого хера ты мне звонишь, брат?

-Так вот. Теперь я открываю ещё одно. Почти в самом центре. Плюс планирую в Новгороде следующее замутить уже в следующем году. В общем, дело пошло. Но новое кафе требует другого концепта. Понимаешь? Это будет "Шоколадница"...

Сглатываю болезненный комок в горле. Это Её мечта. Кафе-кондитерская. Герани в горшочках на окнах. Яркие леденцы на стенах нарисованы. Какого хрена я помню даже тот факт, что она хотела стены фисташкового цвета? И занавески в жёлтый горох...

-Я понял.

-Гордей, я хочу, чтобы рекламу сделал ты.

На несколько долгих секунд просто немею от такой наглости!

-Почему? - выдыхаю хрипло.

Три года назад ваша семья выбросила меня из своего состава, как ненужную вещь. Вы даже ничего объяснять не стали! Я, как пёс подзаборный, караулил твою сестрицу у дома, а твои парни не давали даже приблизиться к ней! А теперь я

зачем-то снова понадобился тебе!

-Потому что лучше тебя никто не сделает. Бизнес... брат. Я заплачу, сколько скажешь. Плюс достойную премию гарантирую.

Ублюдок.

И мне дико хочется отказаться. Просто послать его и представить, что этот разговор мне почудился!

Но вот хрен вам! Тогда Айнур легко поймёт, что я её до сих пор... Что я обижен, что мне до сих пор больно.

Это только бизнес. Ничего личного.

- Насколько срочный заказ? - интересуюсь деловито.

- Очень срочный.

-Ценник на мою рекламу значительно подрос за последние три года. За срочность отдельная доплата.

-Я в курсе. Я звонил Французу. Он сказал примерно то же самое.

А вот мне он, скотина, ничего не сказал...

-Но, думаю, я потяну твой ценник. Ну, так что? Возьмешь-ся?

А мне хочется вопросом на его вопрос сказать: "За что она со мной так поступила?" Неужели нельзя было объяснить? Неужели нельзя было поговорить по-человечески? Она же просто сбежала от меня! Она же просто тряпки собрала и свалила, пока я был на работе. А ночью перед этим мы вполне себе мирно и со вкусом трахались, и ей было со мной очень хорошо...

До сегодняшнего дня я был уверен, что мне полегчало. Но, оказалось, что нет. Совсем нет.

И правильно было бы все-таки отказаться, сославшись на занятость, но я, вопреки здравому смыслу, отвечаю:

-Возьмусь.

-Я рад. Спасибо, брат.

И это его "брат" звучит гораздо увереннее, чем в предыдущий раз. Уверенно и оскорбительно. Потому что ты, Ай-нур, мне больше не брат.

-С Французом договорись о встрече, - бросаю в трубку и отключаюсь.

Сижу, гипнотизируя взглядом табличку, запрещающую курить на парковке. Пытаюсь осознать, что это было, вообще. Пока в стекло не начинает кто-то стучать.

Автоматически нажимаю на стеклоподъёмник.

-Ты долго ещё будешь дорогу перегораживать, придурок? - чувак в жёлтой бейсболке презрительно заглядывает в салон.

Нажимаю стеклоподъёмник снова, теперь уже поднимая стекло. Завожу машину.

Замечаю, как очень вовремя в соседнем ряду начинает выезжать чёрная "Лада Гранта", освобождая для меня место.

Телефон звонит снова. Теперь уже точно Леон.

Ладно. Посмотрим, что за партию разыгрывает мой бывший друг. И какая роль в этой партии отведена моей бывшей жене. Ну, точнее, как бывшей... Развестись она со мной так

и не удосужилась. Жене.

4 глава. Дети, машины и прочие неприятности

-Сынок, прошу тебя, объясни! Зачем ты сделал это?

Потешно склонив голову к правому плечу, следит взглядом за собственной ногой, увлечённо шоркающей по полу. Ну, Карлсон один в один! Пропеллера только не хватает. Хотя иногда мне кажется, что он где-то все-таки есть...

Молчит. Надеется, наверное, что я устану ругать его, и ситуация сама собой сойдёт на нет.

-Отвечай, иначе я тебя накажу!

В свои два и восемь Эмиль вполне прилично разговаривает.

-Я хотел класиво!

-Ты испортил штору!

Тыкаю ножницами в ту часть занавески, на которой вырезаны аккуратные кружочки. Штук сто аккуратных кружочков.

-Класиво! - недовольно хмурится он.

-Но так нельзя, понимаешь?

Кивает. Понимает. Наверное.

-Ты будешь еще так делать?

Отрицательно качает головой.

-Я очень надеюсь, что ты больше НИ-КОГ-ДА не будешь

брать ножницы без разрешения и резать шторы! Я очень рада, что ты понял, что так нельзя! Но наказание всё равно будет! Мультики сегодня перед сном отменяются!

Личико кривится, но он не плачет. Он очень редко плачет.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не начать его сразу жалеть. А хочется - прижать к себе, расцеловать щечки... Но нельзя же сразу сдавать позиции! Ребенок должен понимать, что им недовольны! Но сын таким взглядом просительным на меня посматривает, что невольно смягчаюсь.

- Ладно, хулиган, расскажи, как ты смог так ровно вырезать?

Кружочки примерно одного размера усеивают всю нижнюю часть шторы.

- Плосто.

Подходит, сматывает гульку из шторы и... сверху пальцами второй руки делает "вжик"! Да уж проще не бывает.

Прячу ножницы в самый дальний шкафчик на кухне - от греха. Пока готовлю нам ужин, приходит ко мне на кухню с игрушечным псом-далматинцем. Усаживает животинку в угол у холодильника, комментирует:

- Лекс, ты лезал? Ле-е-езал! Будешь тепель наказан на веки вечные...

"На веки вечные" - любимое выражение моей мамы. Как быстро дети перенимают...

"Ну, нет! - смеюсь про себя. - На веки вечные это слишком долго!"

Бросаю в суп самодельные фрикадельки, пока на сковороде пассируется морковь. Думаю о разговоре с братом. Но ухо привычно "ловит" всё, что, играя, произносит сын.

- ...Пойдешь с бабулей к Зине. Будешь сидеть тихо-тихо. Пока мамочка плидет... - с трудом разбираю в его детском лепете.

В смысле? Что опять?

Наша с Айнуром мать пьет. Нет, она не пьет все время, но периодически это случается. Это началось после гибели отца. Отец - азербайджанец, мать - русская. Они очень любили друг друга. Когда его не стало, она стала понемногу выпивать. С Зинкой, подругой из соседнего подъезда. Бросала. Потом могла на неделю, а то и месяц уйти в запой. Последний раз это случилось еще до рождения Эмиля, и мне казалось, что с появлением внука, мама нашла любимое занятие, что ей теперь просто незачем так убивать себя, что она - любящая бабушка, что ей хорошо...

И ведь обращала внимание, что она в последние дни отказывается ночевать с нами, а по вечерам уезжает к Айнуру, якобы приготовить-убраться у брата.

И вид ее помятый по утрам... Но ведь мне казалось, что она просто устает. Да и особо некогда было приглядываться!

Да, если честно, я толком с ней и не разговаривала - вечно опаздывала, вечно куда-то спешила!

- Сынок, ты у соседки бабушки Зины был?

- Да-а-а! И Лекс был! - показывает пальчиком на игрушеч-

ного далматинца.

Сжимаю виски пальцами обеих рук! Ну, вот только этого в сегодняшний жуткий день мне не хватало!

- Так, Эми, собираемся, пойдем бабушку вызволять!

Мы с Эми много читаем. Ну, в смысле я читаю ему, но и он уже некоторые буквы знает. Он развит не по годам, поэтому я не удивляюсь, когда он, обрадованный, спрашивает:

- Спасать у Зинки?

- Можно и так сказать...

Лучше бы, конечно, тебе этого не видеть... Но раз уж она тебя все равно туда с собой водит...

.... Утро явно не задалось. (Или это вся моя жизнь не задалась?)

- Жанна, да! Да! Я опаздываю! Ну, прости! Ну, так получилось! Ну, Жанна! Я уже почти на месте! - рулю одной рукой, второй придерживаю телефон. Сзади Эмиль в детском кресле громко поёт какую-то неопознаваемую песню, постукивая для ритма игрушечным телефоном по стеклу.

Айнур в больнице. Мать пришлось запереть в квартире, чтобы снова не ушла. Ребенка с собой на работу взяла.

Нет! Надо сына в детский сад устраивать, иначе вот что теперь мне с ним делать!!

- Эми, сынок, пожалуйста, потише! Мне не слышно тетю Жанну!

На мгновение оборачиваюсь к нему. Жанна что-то доказывает в трубку. Справа подрезает какой-то мерзавец на низ-

кой спортивной тачке. Я в ужасе шугаюсь, естественно, дергаясь влево, и врезаюсь в бампер припаркованной почти у самой "Шоколадницы" машины.

- Авалия! - радостно вопит Эмиль, лупя телефоном по подголовнику моего кресла.

Сижу в шоке, судорожно соображая, что теперь делать.

Покоцанная машина вопит сигнализацией. Такое чувство, что все мужики в округе сбежались сюда, чтобы поглазеть на меня, то есть, конечно, не на меня, а на "обезьяну за рулем".

На крыльце "Шоколадницы" появляется Жанна. И она не одна.

Утро не просто не задалось. Это не утро. Это - катастрофа!

Рядом с ней стоит Трофимов!

Что делать? А-а-а-а! Айнур же не говорил, что он так быстро придет! Айнур же обещал, что договорится с Леоном или Миром! Не-е-е-т!

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он увидел Эмиля! Господи!

Поднимаю глаза в потолок салона и, зажмурившись, умоляю:

"Пожалуйста! Помоги! Сделай так, чтобы это была не его машина!"

Но Господь решает помочь немного другим способом...

5 глава. Зараза, Мерзавка, Предательница - имена любимой женщины

Не в моих правилах откладывать в долгий ящик что-то важное. Поэтому на следующий день после разговора с Айнуrom, предварительно договорившись с его помощницей Жанной, номер телефона которой он скинул мне сообщением, и не дожидаясь вечно опаздывающего Леона, я еду осмотреть новый объект.

Мы с Жанной, которую Айнуr назначил вести со мной дела, объяснив, что сам лежит в больнице, успеваем только войти и сесть за один из недавно привезённых, ещё не очищенных от заводского целлофана, столиков, когда ей по телефону звонит Зараза.

И я слышу ее голос.

Впервые за три года.

Это шокирует. Неожиданно и неприятно бьет по нервам!

Пальцы с силой сжимаются на мобильнике. Чтобы не сломать, бросаю его и ключи от машины на поверхность стола, невольно с жадностью вслушиваясь в разговор.

Мерзавка сейчас подъедет. По разговору это понятно.

А вот она, похоже, не знает, что нам предстоит встреча.

Потому что, я уверен, если бы знала, не явилась бы...

Впрочем, кто их, предателей, знает?

Связь у Жанны очень громкая, поэтому удар машины Предательницы о чью-то другую мне тоже слышен отлично, как и её полный ужаса крик.

И мне бы взять и сделать вид, что меня все происходящее не касается совершенно! Но я зачем-то подхватываюсь, готовый бежать и спасать Заразу. Даже телефон с ключами в шоке оставляю в кафе! Выскакиваю, догоняемый Жанной, на крыльцо... И только тут понимаю, что врезалась она в мою машину! И это именно моя машина сейчас орёт на всю улицу. Охренеть! Хлопаю себя по карманам брюк... А ключей-то нет...

Возвращаюсь за ключами, добегаю вместе с Жанной до поцеловавшихся тачек, и уже понимая, что ничего страшного не случилось, машины пострадали несильно, и она, конечно же, жива и, скорее всего, невредима, и приготовив целую речь из непечатных слов, дергаю дверцу ее тачки на себя... Но в салоне меня ждет пустота.

Изумлённо оглядываюсь, ожидая увидеть Дани где-то поблизости, но успеваю только зацепиться взглядом за машину Леона, которая почему-то не сюда, к кафе, подъезжает, а наоборот, сворачивает за угол, на соседнюю улицу.

-Что за... цирк? - мысленно пару раз все-таки произношу заготовленную для Мерзавки речь, но милой улыбчивой Жанне как-то нет желания её озвучивать. - Куда она делась?

-Мне кажется, её... украли, - у Жанны трясутся губки и

на глазах слезы. Да, моя бывшая умеет располагать к себе людей. Вон как помощница расстроилась.

Украли? Смешно! Такую заразу красть? Чтобы потом всю жизнь мучиться? Да и смысл воровать с места совершенно-го ею преступления - слишком много свидетелей! Действительно, куча народа высыпала из близлежащих офисов, реагируя на звуки.

-Ты успела разглядеть машину, в которую она села?

Жанна пальцем показывает в сторону поворота, куда только что свернула тачка Леона.

-Серебристый Форд?

-Серебристый, - всхлипывая, расстроенно шепчет она. - Только марку я не разглядела!

Ну, это, вообще, бред. Леон её увёз, что ли? Зачем? Что за...

Набираю Француза.

Не берёт трубку.

Набираю снова.

От него приходит смс:

"Буду позже. Занят. Всё объясню"

Печатаю ему в ответ:

"Мерзавка с тобой?"

"Дани со мной. Но в свете новых исходных я уже не уверен, что из вас двоих мерзавка - она".

Читаю это странное сообщение несколько раз. Крыша у тебя, Леон, поехала, что ли? Какие-такие "новые исходные"?

Никаких новых исходных быть не может!

И мне хочется спросить, не пострадала ли она. Мне хочется знать, что с нею всё в порядке. Но я давлю в себе это иррациональное, разрушающее чувство! Безразлично. Без разницы, что там с нею, как она там...

Вместо того, чтобы набросать концепт, продумать баннерную рекламу и сочинить вывеску для её "Шоколадницы", я, как последний лох, разгребаю последствия аварии, естественно, не вызывая ГАИ. Оттаскиваю машину Заразы в сервис. И понять не могу, как так могло получиться, что я, не увидев её ещё, только приблизившись к ней, уже огрѐб неприятностей по полной!

Желание убить ее вырастает в разы...

Договорившись с Жанной встретиться завтра, к обеду еду на своей немного, но не критично, помятой машине, в офис. Леона там нет.

Мир, с сигарой в зубах, встречается у входа.

В другой день я бы не удержался и поржал над ним - Мир, несмотря на ярко выраженную, брутальную внешность, тот еще любитель эпатажных прикидов. И если чаще всего его наряд представляет собой рубаху в русском стиле, такую русскую косоворотку с брюками, то сегодня костюм можно было назвать "русский дон Карлеоне" - шляпа, белая сорочка, строгие брюки-дудочки, жилет с цепочкой, свисающей из кармана. И сигара...

В другой день я бы посмеялся над ним. Но мне сегодня

невесело.

-Здорово, дон, - через силу выдавливаю из себя.

-Приветствую тебя, сын мой, - салютует сигарой. - Как прошла встреча? И где брат наш Француз?

-Даже не спрашивай, - прохожу мимо, пожав его руку.

-Гордый! - из кабинета выглядывает Никитос. - С нами связались "Уральские самоцветы"! У них там заказ по полной программе! Но очень срочно!

-Всем сейчас надо срочно, - бурчу себе под нос. - Вызывай Леона. Я кофе захвачу и приду...

Всё! Работать, Гордый!

А ты, Мерзавка, пошла прочь из моей головы!

6 глава. Друзья

-Это его сын! Это же его сын! Его сын, - бормочет, как заклинание, ошалевший Француз, увозя нас с Эмилем с места моего позора.

-Вот с чего ты взял, что его? - максимально спокойно и даже насмешливо спрашиваю я. Может, если буду правильно говорить, смогу сбить его с толку, и тогда он ничего не расскажет Гордею?

-Глаза. Волосы. Лицо... - удрученно качает головой Леон. - Как ты могла так поступить? Как могла скрывать? Как ты, вообще, могла уйти от него? Сбежать, ничего не объясняя! Он искал! Он звонил!

Леон так искренне, с таким чувством это говорит, что у меня на мгновение, на долю секунды, появляется сомнение. А вдруг... а вдруг все немного не так, как я думаю? Но! Тут ведь и думать-то нечего! Абсолютно! У меня есть видео, ролик, где мой бывший горячо любимый муж трахает какую-то бабу на нашем столе на кухне. И эта баба... чтоб ее, это совершенно точно - не я! И это абсолютно точно наша кухня! И это без всяких сомнений мой муж! И я вот-вот должна прийти с работы - потому что там на столе, рядом с ними, стоит запакованная в специальную пупырчатую клеенку желтая настольная лампа, купленная мною и оставленная для Гордея, чтобы он распаковал и лампочку вкрутил... Я

помню этот день! Я помню и вечер... И Гордей был дерганым каким-то... Я думала тогда, что у него проблемы с новым заказом. Я помню, что даже спрашивала об этом. И он что-то там рассказывал. А мы тогда вместе готовили рекламный ролик для швейной фабрики... А оказалось, что он вовсе не из-за заказа переживал... Совесть мучила после измены?

-Он предал меня. Он изменял!

Я никому не говорила этих слов. Никто не знает, из-за чего я ушла. Почему?

Потому что все видели наши чувства. Я так открыто демонстрировала всему миру, как сильно я его люблю, как сильно мы друг друга (ну, тогда ещё казалось, что мы все-таки друг друга... А не только я его) любим, что признаться в том, что он мне изменяет, спустя всего полгода после свадьбы, это было унижительно! Это... Вдвойне больнее!

Нет! Я не хотела разборок! Я не собиралась устраивать скандалы и выяснять отношения! Он свой выбор сделал. И случилось это вовсе не в день нашей свадьбы. Это случилось в тот день, когда на нашем столе, на нашей кухне, на том месте, где мы занимались с ним любовью не раз, он трахнул другую!

И да! Я хотела отомстить! Поэтому ничего и не сказала про Эмиля. Имела право! Раз я ему не нужна, то и сына он не получит! А что там думают другие, мне всё равно! Пусть считают меня дурой.

А вот теперь я сижу на заднем сиденье в машине его друга,

растираю тушь по щекам, и зачем-то всё рассказываю.

-Это невозможно! Он не мог тебе изменять!

-Это было!

-Ты уверена?

-Леон! Ты же знаешь, как сильно я его... - губы дрожат так, что я не могу произнести это проклятое слово! Да и сказать "любила", значит, соврать! Потому что не любила, а люблю! До сих пор. Ненавижу и люблю. - Если бы не была уверена на сто процентов, никогда бы не ушла.

-Но всё равно! Он любит тебя! Может, это... Ну, ошибся! Ну, по пьяни? А? Может, как-то по-другому нужно воспринимать? По-любому там ничего серьезного не было бы! Он любит, поверь мне! Да он же один до сих пор! Если бы была другая, то, наверное, жил бы с ней? Он любит!

-Любил! Не любит! А хотя... Не знаю, как у вас, у мужчин, устроено. Но я вот спать с нелюбимым не смогла бы! Даже если бы была одна. А он мог! И сейчас... Да у него баб куча!

-Откуда ты знаешь?

-То есть это - неправда?

-Это - разовые связи! Просто физиология! Эй! Ты сейчас подставила меня? Заставила рассказать это о друге?

-Можешь сильно не переживать. Я этот факт о Гордее знала и без тебя.

- Откуда? - удивляется он.

-Я иногда общаюсь... с Миром и Никитой. Мы же дружили...

- Что-о? - ловлю в зеркале заднего вида пораженный мужской взгляд.

Ну, а чего странного-то? Это ты, Леон, всегда был горой за Гордея, а остальные ваши друзья приняли и меня тоже, и не считали только приложением к вашему Трофимову! Мир так вообще в первый день нашел меня! И был тем самым человеком, у кого на плече я выла всю ночь, ту ночь, когда ролик посмотрела! И Никита заезжает часто.

Покосилась на Леона. Нет, наверное, говорить, что Никита - крестный отец Эмиля, сейчас нельзя. Еще расскажет Гордею, а с того станется закатить парню скандал!

- Интересно девки пляшут! И ведь, мерзавцы, ничего нам не рассказывали! Друзья...

- Леон, прошу тебя! И ты не рассказывай об Эмиле! Умоляю тебя...

7 глава. Бабы, что с них взять

Стучусь в дверь его квартиры.

Я не знаю, как оказался в этой точке. У дома Француза. Просто ехал домой после работы. Просто бездумно мчался по городу, несколько раз сворачивая не туда. А он так на работу и не явился и ни на звонки мои, ни на сообщения больше не отвечал.

Я, как будто, в неадеквате. И ощущение к ночи усиливается.

Это встреча с Мерзавкой так подействовала на тебя, Гордый? Да и была ли эта встреча? Состоялась ли она? Так, мелькнул её образ за стеклом в пятидесяти метрах. Да в салоне ее машины ты надышался запахом ее духов. Ее саму толком и разглядеть не успел. А вон как проняло! До сих пор успокоиться не получается!

-У меня, вообще-то, звонок работает, - Леон с недовольным видом открывает дверь.

-Я в курсе. Но хотелось треснуть... что-нибудь, - хмуро признаюсь и, бесцеремонно оттолкнув друга плечом, вхожу в его квартиру.

-Не хотите ли пройти? - хмыкает он мне в спину. - Спасибо, что не отказались.

И меньше всего мне хочется сейчас "обнажаться" перед ним, расспрашивая о Даниз, но и мне, и, конечно же, Леону,

предельно ясно, зачем я сюда явился!

В гостиной на журнальном столике стоят заварочный чайник, чашка, нарезанный тонкими дольками лимон. На красивом фарфоровом блюдечке - дорогой шоколад. Француз - что с него взять. Всё у него так - утонченно, изысканно... Рядом - включенный ноутбук с нашими набросками по "Самоцветам" - видимо, Никита скинул ему по почте.

-Чай будешь? - кивает в сторону стола.

-Мне бы чего покрепче!

-Можно и покрепче, - соглашается он и идёт к бару.

-Да я так, образно. Я ж за рулём, - даю заднюю я, хоть глазами и слежу жадно за бутылкой виски, которую берет с полки Леон.

Но пить нельзя. Хотя и ох, какой соблазн! Сейчас бы точно полегчало на душе!

Только утром снова ехать в "Шоколадницу"...

-Ладно, смысла нет ходить вокруг да около, - морщась, как от зубной боли, говорю ему. Да у меня и ощущение примерно такое же, как у стоматолога в кабинете, - противно, немного больно и очень хочется, чтобы это всё поскорее закончилось. А ведь я сейчас с лучшим другом говорю! - Зачем ты её увёз?

-Кого? - Леон садится в кресло и начинает наливать себе чай.

Меня из хрупкого спокойствия выводит даже не его голос, не этот дебильный вопрос, а тот факт, что он не смотрит мне

в глаза! То есть получается, что мы оба знаем ответ, и он это понимает, но всё равно зачем-то спросил!

-Кого, блядь? Кого? - реву я, мгновенно разгоняясь от недовольства и дискомфорта до бешенства. В голове, кроме матов, ни одного слова! - А может, может ты все эти годы, с того момента, когда она ушла, трахал её? Может, она не просто от меня сбежала, а сбежала к тебе?

И я сначала это говорю, и только потом осознаю - а вдруг? Вдруг именно так всё и было? И от того только, что я это представляю, в моём мозгу происходит вспышка - меня слепит на мгновение, кулаки сжимаются, дикой яростью топит сердце. За мгновение до того, как не сдержавшись, я бросился бы на Леона, он говорит:

-Эй-эй-эй! Гордый, да ты что? Ты что-то не то сейчас придумал! Если бы вдруг я решил увести у тебя женщину... Хотя я бы никогда этого не сделал... То я бы честно и открыто поступил! И Дани - не та девушка, которую мужик мог бы несколько лет прятать от всего мира! Разве такую спрячешь? Такой хвастаться хочется...

Но его слова успокаивают лишь до какого-то момента. А потом меня накрывает снова:

-Какой это "такой"? Какой? Какого хера ты всё о ней знаешь? Какого хера рассуждаешь о ней? - сжимаю кулаки, шагаю ближе.

-У-у-у, да ты сегодня полный неадекват, брат, - он поднимает руки вверх, повернув ладонями ко мне. - Может, все-

таки налить тебе, чтобы успокоился? Я клянусь тебе! Слышишь? Клянусь, что у меня ничего никогда с твоей Дани не было! И в мыслях даже! Никогда! Я подъехал, когда она возле машины в слезах стояла! Я подумал, что ударилась, когда с твоей тачкой столкнулась! Повредила себе что-нибудь! Посадил ее к себе, хотел в больницу отвезти!

- Почему меня не дождался? Не набрал?

- Ну, сам понимаешь, брат! Она умоляла просто увезти ее! Не хотела с тобой встретиться! Ну, я растерялся.

- Угу, - скептически киваю я. То, что она умеет убеждать я знаю. Да и Леона знаю давно и очень хорошо. Разве он мне врал когда-нибудь? И смотрит он так виновато, что... Ну, вот какое я право имею на него злиться, если это наши проблемы с Заразой, и Леон в них не виноват!

- Ты прости, что так получилось, Гордей...

- Ладно. Ты тоже... прости, что сорвался.

Домой. Выбросить из головы и забыть! И завтра пусть кто угодно едет в эту "Шоколадницу"!

- Леон... - оборачиваюсь от выхода. - А где твоя подружка... Эта, как там её? Последняя.

- Друг называется! Ты даже имени моей... «этой, как там её», не запомнил, - выпучивает оскорбленно глаза - Где-где! Не сошлись характерами, на прошлых выходных поругались, и она съехала в неизвестном направлении...

Бабы, что с них взять!

Уже на пороге, когда я собираюсь уходить, он неожиданно

меня окликает:

- Гордый!

Оборачиваюсь.

- Э-э-э, ну-у, ты знаешь, мне кажется, вы с Дани просто обязаны поговорить!

А то я не знаю!

Но что-то в его тоне, или в голосе или даже, скорее, в виноватом взгляде напрягает меня, заставляет притормозить, не уходить сразу же.

Мы ведь с Дани столько раз бывали здесь, в этой квартире. Вот тот горшок с цветком, с растрепанными огромными красновато-бурыми листьями, она подарила Леону... Смотрю на него, и как наяву голос её слышу!

"Раз кота тебе нельзя, будешь вот этого парня растить!"

Мы были счастливы тогда.

-Гордей! - голос Леона возвращает меня обратно в моё неприглядное настоящее. - Хочешь, я устрою вам встречу?

А нужна ли мне эта встреча?

8 глава. Отравлена

ОН снова ждет меня на стоянке около Шоколадницы. На капоте машины набор, давно ставший стандартным - алые розы, конфеты, фрукты, машинка в красочной коробке для Эми.

ОН - хороший. Добрый. Красивый. ОН ничуть не хуже Изменщика! Даже, наверное, лучше!

Паркуюсь, чуть не доезжая до его машины и, делая вид, что что-то ищу в бардачке, собираюсь с мыслями. Ну, пусть бы меня хоть немножечко потянуло к нему! Пусть бы хоть как-то...

Но ведь вот сейчас он откроет мне дверь, подаст руку и... я шарахнусь в сторону, невольно, не специально! Я мозгом хочу и руку его взять, и его самого хочу... касаться. Но Изменщик отравил меня собой! Он где-то внутри, в районе сердца, сумел поставить во мне блок, не подпускающий других мужчин, надежно меня уберегающий от того, чтобы просто сделать так, как сам Предатель поступил запросто!

И я просто мечтаю наконец ему изменить! О, это была бы замечательная месть! Я бы знала о ней, и мне было бы легче. Наверное. Я мечтаю. Заставляю себя. Ломаю себя. И не могу! Стучит в окно.

Открываю дверь. Едва заметно шарахаюсь от его протянутой мне ладони! Дура!

Но вдруг не заметил?

- Привет, Красавица, - улыбается ласково и грустно.

Заметил. Он всегда замечает.

- Привет! - я очень стараюсь казаться веселой, но и сама чувствую фальшь.

- А где Эмиль? - заглядывает в салон, вытащив меня наружу.

- Он в детском саду. Мама... заболела, и мне пришлось его туда устроить.

-Почему не позвонила мне! Я бы помог!

Он очень проницателен, и мне кажется, когда вот так смотрит в мои глаза, то наверняка читает все мои мысли! И знает, что я не хочу быть ему обязанной! Потому что ничего дать взамен не могу! Во всяком случае пока.

-Я справилась. Всё в порядке! Сегодня после обеда надо забрать, а завтра уже на целый день останется. И ему нравится, правда! Говорит, что там весело.

-Так. Сейчас идём обедать, потом поедem за ним в сад, - все-таки берёт меня за руку и ведёт к своей машине. Я, вообще-то, собиралась просто кофе попить с Жанной, и она меня ждёт внутри, но не могу отказать - не знаю, почему!

Это трудно.

У меня перед ним огромное чувство вины. Потому что он равнодушен ко мне. Потому что заботлив. Потому что он готов на многое! А может быть даже на всё! А вот я...

Поэтому не могу отказать в такой малости, как обед. Са-

жусь в машину. Он кладет мне на колени розы. Трогаю нежные лепестки. Всегда розы. А Гордей розы мне не дарил. Он креативил. Ромашки, фиалки, лилии, тюльпаны в мороз, кактусы в маленьких горшочках... Веточки сирени, привязанные к ручке входной двери... Я никогда не знала, чего от него ожидать, к чему готовиться... Он умел меня радовать... смешить... делать счастливой... И, в итоге, сделал мной несчастной...

- Красавица, давай вечером проведем время вместе? Стоп-стоп! Не отвечай сразу! Я не настаиваю! Ни к чему не принуждаю! Хочешь, в магазин вместе съездим за покупками? С Эмилем, конечно. Хочешь, я вам ужин приготовлю. У тебя. Хочешь, в кино, в цирк, в ресторан... Куда угодно! Или в парке погуляем. На детской площадке.

И я соглашусь. Конечно, я соглашусь. Потому что по вечерам я до сих пор тоскую. Потому что я хочу заместить эту тоску чем-то... кем-то! Уже пора! Три года прошло! Три года и три месяца, если быть точной...

Но ответить не успеваю. Звонит Айнур. Мы в день с братом разговариваем по телефону раз сто, не меньше! И вот опять... Без предисловия переходит к делу:

- Дани, сейчас прямо, срочно едешь в "Тортомастер". Сегодня прилетел Артур. Помнишь Артура?

- Су-шеф, который? Кондитер! Конечно! Он согласился? Он будет у нас работать? - о, это замечательная новость! Лучше Артура никто не печет торты и пирожные! - Хорошо!

Сейчас буду! Уже лечу!

- Твой брат умеет уговаривать, - в голосе Айнура отчетливо слышится довольство и гордость собой. И он абсолютно прав сейчас!

- Умничка! А-а-а-а! Обожаю тебя! - не могу спокойно усидеть на пассажирском кресле - от радости приплясываю и понимаю это только тогда, когда ловлю ЕГО восхищенный взгляд. В нем чувства. Настоящие. Искренние. Сдуваюсь, как проткнутый воздушный шарик. Я отравлена. Мне нечего тебе дать!

- Куда тебя везти, Красавица? Обед, я так понимаю, не состоится?

Пересаживаюсь в свою машину у "Шоколадницы". Она отремонтирована. Айнур обещал вернуть Изменщику деньги за ремонт. И пусть! Меня даже совесть не мучает, что повредила и его тачку тоже! И пусть! Так ему и надо!

Снова звонит телефон. Француз. Сердце болезненно екает в груди. Леон - это очень близко к Гордею, гораздо ближе, чем...

-Да! Добрый день, Леон! - пришлось дать ему позавчера свой новый номер. Но он обещал, что не даст Изменщику. Впрочем, ему он, может, уже и не нужен...

-Дани, понимаю, что это сейчас прозвучит глупо, но мне нужно встретиться с тобой. Это не займёт много времени. Пятнадцать минут, ладно?

-Когда?

-В любое удобное для тебя время.

Хм, странно.

-Зачем?

-Я хочу тебе рассказать кое-что важное о нём.

О Гордее? Что? А вдруг с ним что-то? Не хочу знать! Не хочу! Но губы произносят:

-Где?

-Да где тебе удобно.

-Через час возле магазина "Тортомастер". Он один у нас в городе...

9 глава. Нокаут

Три года мы жили в одном городе и не встретились ни разу. И все эти старания так нелепо обернулись почти нечаянной встречей? Ну, для неё, во всяком случае, наверное, всё выглядит именно так. Это могло бы быть смешно...

Но мне ни фиги не смешно! Мне больно! В груди горит!

Вот же она, в полуметре... Жадно рассматриваю, ловлю ее эмоции. Хотя, по-хорошему, мне бы вдруг стать безразличным, спокойным и просто сказать ей... что я там ей сказать-то хотел? Зачем хотел с ней встретиться?

-Гордей? - спрашивает шёпотом.

За моей спиной - оживлённая, наполненная автомобилями и пешеходами улица, за её спиной гудящий улей супермаркета. Дверной проём. Мы в нём. Застыли в полушаге друг от друга.

А я ничего не слышу - ни гудения моторов, ни шагов по тротуару. Только моё имя, произнесённое Предательницей.

-Гордей, - киваю, хмурясь. - Имя пока не сменил.

Чёрные волосы рассыпались по её плечам. Личико всё такое же - нежное, милое, губки-бантики, глазищи огромные карие... Зараза. Но всё такая же красивая.

И я не хочу её рассматривать, но глаза не подчиняются мозгу, и взгляд как-то моментально, одним кадром фиксирует и брючный костюм, который ладно сидит на точеной

фигурке, и полусапожки на устойчивом, но достаточно высоком каблуке, и короткую курточку, расстегнутую на груди. Она всё такая же, какой была три года назад. Но все-таки... Все-таки что-то неуловимое, что-то в глаза не бросающееся в ней изменилось. Стоп, Трофимов! Это больше не твоё дело! Ты сейчас просто поговоришь с нею, закроешь, так скажем, гештальт и выбросишь навсегда из своей головы!

За её спиной вдруг появляется мужчина с тележкой. Высокий амбал восточного типа. Очень похожий на тех телохранителей, что приставлял к Дани для охраны её брат, когда она ушла от меня. И я не сразу замечаю, что в тележке вместе с продуктами находится ребёнок. Понимаю это только тогда, когда он начинает громко кричать:

-Мамочка! Мы Лекса потеляли!

Успеваю заметить её испуг. И то, как тоненькие пальчики судорожно сжимаются на ремешке перекинутой через плечо сумочки.

Она косит на пацана. Пацан неожиданно начинает рыдать, причитая про какого-то там Лекса и тянуть к Дани руки. Стоп! "Мамочка" - это он ей, что ли?

В смысле?

Приглядываюсь к пацану пристальнее.

Тёмные волосы. Короткие, прямые. Светлая кожа. Глаза голубые, а не карие, как у всей её семьи. И он кого-то мне напоминает... Кого?

Перевожу взгляд на амбала - это, что, отец? Это тот му-

жик, чтоб его, к которому она от меня сбежала? Руки за-чем-то сжимаются в кулаки.

И он говорит, как будто специально для меня, расставляя все точки над "И", и заодно спасая свою морду:

-Даниз, вы возьмите мальчика, а я вернусь и собаку по-ищу.

Не отец.

Кто отец?

Разглядываю ребенка пристальнее. Бля-я-ядь! Зажмури-ваюсь. Ощущение прихода, как от стакана спиртного! Оглушает. Дезориентирует. В ушах шумит. Сколько ему? Года три? Сжимаю челюсти так, что, кажется, еще немного, зубы скрипеть начнут! Встречаюсь с ней взглядами. И по глазам её... Да не может быть! Пиздец тебе, Зараза!

-Нет, Артур, не уходи, - она отмирает, хватая ребенка на руки и бросается к нему, прячась за спину. - Не оставляй нас с ним!

Амбал растерянно переводит взгляд с меня на неё. Да! Ну, и охрана у тебя, Предательница! Никакой реакции! Неужели не в курсе, кто я? Прежние мальчики, трехлетней давности, хотя бы в лицо знали...

-Звони хозяину, докладывай, - советую ему, вынимая из внутреннего кармана пальто свой паспорт и раскрывая на странице с отметкой о семейном положении. - А мы пока с МОЕЙ ЖЕНОЙ и, я так понимаю, МОИМ РЕБЁНКОМ, побеседуем у меня в машине!

Киваю ей:

- За мной, Дани! Иначе я сейчас полицию вызову и заяву накатаю, что ты у меня украла сына!

- Бред какой!

- Бред не бред, но пока разбираться будут, потаскают по разным заведениям и тебя, и его! Тебе оно надо? Так что, за мной, "дорогая жена"! И, блядь, пошевеливайся!

То ли фактор неожиданности срабатывает, то ли у нее, наконец, появляется здравый смысл, но она идет! С ребенком. Вслед за мной.

И это, вполне может быть, зря. Зря потому, что я в неадекват! Ну, вот о чем я сейчас могу с ней разговаривать? И как я могу это сделать? Орать и психовать? Но ведь пацан... а если это мой пацан... Не таясь, разглядываю его. Встречаемся взглядами. Его - заинтересованный, любопытный.

Похож на меня?

Мне кажется, что похож, и очень!

Она не просто ушла от меня без объяснений! Она лишила меня сына! А это - полный зашквар!

Садится с ним на заднее. Сделав пару глубоких затяжек, чтобы хоть немного прийти в себя, сажусь к ним. Мальчик между нами с телефоном. Она в паре десятков сантиметров...

- Давай, Дани, рассказывай!

- Что? - испуганно шепчет, не глядя мне в глаза.

- Как в твою дурную голову пришла такая идиотская идея

три года скрывать от меня ребенка?

10 глава. Решение

В салоне машины меня буквально давит - его много! Такое ощущение, что Гордеем заполнен весь салон, что он нависает, душит меня, хотя не притрагивается и пальцем! Его ненавистью ко мне, едва сдерживаемой яростью, давит! Дышать тяжело. И страшно!

А я ведь права! Я тысячу раз права! Он получил по заслугам и только! И разве не радость от свершившейся мести я сейчас должна испытывать? Если честно признаться, я ведь столько раз мечтала о такой вот встрече! Мечтала видеть боль в его глазах! Мне так хотелось гордо пройти мимо него, ошеломленного, пришибленного новостью, уничтоженного, ведя за руку сына! И чтобы он стоял где-нибудь в сторонке и до-о-олго с тоской смотрел нам вслед!

Вот свершилось.

И он ошеломлен. Он рассержен. Он раздавлен даже.

Я все еще легко "читаю" это все по морщинке между бровей, по играющим на скулах желвакам, по ледяному взгляду, по сжатым в тонкую линию губам...

Но в моем сердце отчего-то нет радости, нет триумфа!

Мне больно. Мне страшно. Но боли гораздо, гораздо больше, чем страха!

И я, естественно, вру:

-Эмиль - не твой сын!

-А чей? - Изменщик "стреляет" в меня обжигающим взглядом, но голос его звучит спокойно. Обманчиво спокойно.

-Это только моё дело. Моё и отца Эмиля!

В глаза ему не смотрю. Потому что боюсь, что он поймёт, сумеет определить, что вру!

Леон ему рассказал? Или нет... Ведь получается, что Гордей был шокирован, когда увидел Эми. Значит, скорее всего, Леон просто обманом заманил меня на встречу с Гордеем! Но про сына не сказал.

Хотя какой теперь смысл выяснять, кто виноват, если это уже случилось, если Трофимов узнал правду?

Рассматривает Эмиля. Придирчиво. Внимательно. Словно ищет общие с собой черты.

-Значит, смотри. Мы сделаем тест на отцовство.

-Нет! - кричу испуганно.

-Мама! - пугается и Эмиль.

-Не надо орать при ребёнке! - холодно цедит Изменщик, не глядя на меня. - Завтра вечером я подъеду к твоему дому. Ты выйдешь. Сядешь в машину. И мы поговорим.

-Нам не о чем...

-Нам есть о чем!

Молчим. Он рассматривает сына.

Горло сжимается спазмом. Только не плакать! Только бы не заплакать!

Но они так похожи! Волосы, черты лица, цвет глаз... Тут

хоть ври, хоть нет - всё понятно! И тест не нужен. Всё очевидно!

А ведь мы могли бы быть счастливой семьёй. Эмиль мог бы звать папой своего настоящего отца, а не пытаться "пристроить" это слово то к Айнуру, то к Никите, то к другим мужчинам из нашего окружения...

-Я не приду, Гордей, - спокойно говорю ему.

-А ты знаешь, может, и правда, это ни к чему! Ну, о чем нам с тобой после такого разговаривать? После такой подлости твоей!

Задыхаюсь от возмущения! Я виновата? Я? А ты, значит, белый и пушистый?

-Но общаться с ребенком я имею право! Ты до завтра подумай и ответь мне только на один вопрос - позволишь нам с ним общаться без скандала или мне выбивать это разрешение через суд? А я выбью, даже не сомневайся! И ни Айнур, ни хахаль твой... никто тебе не поможет! Выходите из машины! И только попробуй не спуститься ко мне завтра!

Сидим. Снова молча.

У меня в мыслях такой бардак! Такие глупости, несоответствия, такой бред! На меня, как волнами, накатывает невыносимое, невозможное - уткнуться лбом в его плечо, пальцами коснуться скулы... И пусть всё забудется, сотрется из памяти. Господи, а можно мне амнезию на небольшой отрезок времени? Можно?

Я так безумно соскучилась!

Каждая чёточка его лица - близкая и родная! Разве что морщинки на лбу прорисовываются чётче, скулы стали острее, а на подбородке незнакомая мне из нашей совместной жизни щетина.

Как же я любила целовать эти губы! Как же я любила...

-Вот что ты так на меня смотришь?

И мне кажется, его голос такой холодный, что об него, как об острый кусочек льда, порезаться можно!

-Понять не могу, за что любила тебя когда-то, - в горле болезненный комок, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не всхлипнуть, не заплакать, выдавая свои настоящие чувства! Но ногти больно впиваются в кожу ладоней, отрезвляя, спасая от позора.

-Хм. Любила? Не смей меня! Такие, как ты, любить не способны!

-Так же, как и такие, как ты!

Хватаю сына и вылетаю из машины.

Судиться будем за ребёнка? И будем! Заодно разведемся наконец-то!

11 глава. Два упрямых... человека

В "Шоколаднице" шумно - рабочие перекрашивают стены в одном из двух залов, Артур командует бригадой, завозящей технику и посуду, то и дело басом покрикивая из кухни. Он как-то легко влился в наш маленький мирок, и уже спустя два дня после знакомства воспринимался давним товарищем, деловитым, опытным, весёлым...

Мы с Жанной сидим за барной стойкой с планшетом. Это - единственное, более-менее спокойное место, где мы никому не мешаем. Рассматриваем варианты баннеров для соцсетей, сделанных Сэмом, и макеты для наружной рекламы, отрисованные Миром - рука профессионального художника чувствуется...

И я очень стараюсь думать о работе, о рекламе, и выбросить из головы мысли о предстоящей вечером встрече.

Баннеры пока без слоганов... Да, конечно, на выполнение задания у "Лаборатории рекламы" ещё достаточно времени, но все-таки... Странно, что слоганы ещё не готовы. Я-то работала с командой Изменщика, я знаю, что сюжет для отрисовки всегда с концепта начинается, с общей идеи. И слоган уже должен быть! Это всё должно укладываться в общий замысел и никак иначе!

-Там ещё наброски видео-ролика есть. Задумка потрясающая... Про любовь! - Жанна так восхищена, что и я неволь-

но заражаюсь её азартом.

-Мы разве заказывали и ролик тоже? - удивляюсь я.

-Айнур хочет запустить рекламу и по телевидению! Ну, и в интернете есть специализированные каналы с блогерами. Там можно будет тоже покрутить. Айнур считает, что это будет просто бомба.

Когда она произносит имя моего брата, мне слышится не просто набор звуков. Нет! Айнур для неё - идеал, пример для подражания, сверхчеловек! А ещё я отчётливо слышу в тоне, в голосе Жанны восхищение своим братом. Я помню, как обычно она смотрит на него. Это выдаёт с головой. Жанна влюблена.

Да только ни единого шанса нет! У Айнура есть давняя и пламенная страсть... Которая терзает и мучает, то сдаётся ненадолго, позволяя ему некоторое время быть рядом, то снова улетает в неведомые дали со своими концертами. Его возлюбленная Аделина прекрасна, как богиня. А Жанна...

Милая, кудрявая, рыжая, как солнышко Жанна... Разве у неё есть шансы? Мне кажется, Айнур даже не в курсе, что Жанна - девушка. Мне кажется, ему это безразлично... Это грустно. Почему в жизни все не могут быть счастливы? Почему так устроено, что кто-то обязательно страдает?

-Посмотрим? - Жанна открывает папку с роликом на экране.

Бросаю короткий взгляд на часы, висящие на стене.

-Завтра, ладно? Мне в сад, за Эмилом пора!

Весь день и всю прошедшую ночь я, как на иголках! А к вечеру так волнуюсь, словно мне не скандал с бывшим мужем предстоит, а... первое свидание с любимым.

И к тому моменту, как телефон взрывается мелодией от неизвестного входящего, я накручиваю себя так, что начинают по детской привычке от переживаний болеть живот, чесаться ладони и дёргаться веко левого глаза!

-Да! - выдыхаю, задерживая дыхание.

-Выходи, - хрипло и зло в трубку.

Придётся выйти. Придётся договариваться как-то. Потому что Айнур дал мне понять, что закон в данном случае на стороне Гордея. И если он подсуетится с адвокатом, то вполне сможет доказать, что я преднамеренно скрывала от него сына. Да у него даже свидетели есть - наши общие друзья! И я не знаю, какова для них правда.

-Мам, я на полчаса в магазин сбегаяю. Дверь запру, чтобы ты не вздумала уйти! Ты Эмиля спать уложи, пожалуйста! Ладно?

Выхожу, закутавшись в старую куртку. Иду к машине, как на гильотину.

Курит, опираясь бедром о капот.

Раньше он не курил.

Несчастное моё сердце делает несколько кульбитов в груди, перемешивая в невообразимом коктейле кучу самых разных эмоций - страх, обиду, ненависть, и вот это вот неуместное абсолютно, невытравливаемое из моего мозга "Господи,

какой же он красивый!"

-С кем... он? - кивает в сторону моих окон и с упрёком добавляет. - С любовником твоим?

Видит Бог я настраивалась на спокойный разговор и совершенно не собиралась ругаться! Но ведь разве с ним можно не ругаться? Разве можно?

-Что-то я на тебе монашеской рясы не заметила! - заявляю ему, складывая на груди руки. - Или любовники разрешены в нашем мире только мужчинам?

-В нашем мире принято объяснять свои поступки. Разговаривать. Договариваться! А не смываться по-тихому! Впрочем, смысл читать нотации такой... такому человеку, как ты?

-Эй! - выхожу из себя - я отлично чувствую и издевку, и его желание задеть меня.

Поднимает вверх руку, как бы прося меня заткнуться. Отталкивается от машины, делает шаг в мою сторону и как-то моментально оказывается очень близко.

Я даже запах его чувствую.

И во мне всё отзывается на него.

Я это контролировать не могу! Веки становятся тяжёлыми и прикрывают глаза. Внизу живота короткими спазмами сжимается. Я, как животное, глубоко втягиваю воздух, стремясь вдохнуть как можно больше его аромата! Мне чудится, что если он сейчас хоть пальцем меня коснётся... У меня ноги подкосятся, и я рухну перед ним на колени!

-Ты боишься меня, что ли? - вдруг озадаченно спрашивает

Гордей.

-Вот ещё, - хрипло выдыхаю я. - Давай уже, выкладывай, что ты там придумал, и уезжай уже восвояси!

-На выходные я буду забирать его, - выкладывает он.

-Что-о?

-Что слышала. В субботу утром забрал - в воскресенье после обеда привёз. Что непонятного?

-Он тебя не знает!

-Узнает!

-ТЫ не знаешь, как с ним обращаться!

-Узнаю.

-Откуда?

-Ты расскажешь.

-Нет.

-Ну, тогда знай, я адвоката уже нанял... На всякий случай. Он документы готовит. Послезавтра бумаги едут в суд. Всё равно будет по-моему. Но только с другим эффектом для тебя.

-И с каким это? - говорю как можно более нагло, но сердце в груди испуганно екает.

-Я потребую его себе навсегда...

12 глава. Уметь быть счастливой

Три бессонные ночи. Два дня, за время которых я, кажется, неплохо подковалась в семейном праве.

"Себе навсегда" в случае Трофимова и Эмиля вполне вероятно. Нет, не так! Более чем возможно! И если Изменщик задастся целью отобрать у меня сына, то он может добиться общения с ним через суд легко! А еще я вычитала такую историю, от которой последнюю ночь не спала совсем. Там мужчина выкрал ребенка, а суд потом его еще и оправдал потому что - отец! И все. Теперь ребенок живет с ним, а матери не дают видаться, хотя по закону у неё тоже права. А вдруг? Вдруг Изменщик на такое способен? Вдруг выкрадет ребенка?

В душе борются две противоположных мысли. Первая - глупая, что Гордей так никогда не сделает, что он не такой. Вторая - что тоже самое я думала когда-то и о других женщинах в его постели! Была уверена, что он мне никогда не изменит... А получилось вот так.

Три ночи и два дня с момента нашего с Гордеем разговора...

И вот мы с Эмилем сидим на заднем сиденье его машины. Качаю головой, удивляясь - еще неделю назад я и подумать о таком не могла!

В салоне негромко играет музыка. Песенки из советских

мультфильмов. Эмиль, не зная слов, увлеченно слушает, отбивая ритм кроссовкой по водительскому сиденью. Как-то я сильно сомневаюсь, что Трофимов вдруг полюбил подобную музыку и перестал слушать свой рок! Тогда, получается, специально для Эми?

В машине еще и детское кресло появилось. А других детей-то у Изменщика точно нет... И кресла три дня назад в машине не было.

Трофимов готовился. Это видно.

- Ты могла бы и не ехать с нами, - притворно мило улыбается он.

Улыбается одними губами. Глаза холодны.

- Эмиль тебя видит второй раз в жизни! - возмущаюсь я, не понимая, как такое даже представить возможно, чтобы отправить ребенка с незнакомым для него человеком!

- И это всё благодаря тебе, - говорит так, будто, действительно, благодарен, но глазами стреляет с ненавистью.

- Ой, только давай не будем ругаться при ребенке!

- Давай, вообще не будем разговаривать, а? Я хотел познакомиться с сыном. Всё! Тебя с нами не звал. Раз уж напросилась, то веди себя достойно!

Задыхаюсь от возмущения. Но замолкаю! Толку с ним связываться? Все равно ничего не докажешь! А начни доказывать, так мы криками Эмиля напугаем!

Он привозит нас в свой новый дом. Небольшой двухэтажный коттедж, окруженный кованым забором. Заезжает во

двор.

- Эмиль, у меня качели есть! Хочешь покататься?

- Да-а-а! - сын предательски быстро "привыкает" к Трофимову - тут же с сиденья спокойно идет к нему на руки.

Стараюсь не смотреть им вслед. Это больно. Я картину эту, где Гордей держит на руках Эми, боялась себе даже представить!

Осматриваюсь. Мы когда-то мечтали о таком доме. И чтобы качели с удерживающими креплениями для ребенка, и чтобы беседка с плетеными креслами. И вьющиеся цветы в ней по стенам. И здесь всё именно так.

-Тебе не страшно? - спрашивает Гордей, раскачивая Эми.

-Стлашно, - довольно пищит сын.

-Помедленнее надо?

-Сильно!

-Ну, если страшно, то зачем сильно?

-Надо! Сильно! - хохочет ребёнок, поправляя игрушечного пса, усаженного на колени. - Лекс хочет сильно!

-А, ну, раз Рекс хочет, тогда держись!

На несколько секунд я позволяю себе представить, что вот это всё - наша обычная совместная жизнь, что мы вместе, что это - наш выходной и я имею право на всё! Что не было измен. И он только мой... Всегда только мой!

И я улетаю в свои фантазии...

Мне так хочется подойти сейчас к ним. Взяться рукой за вторую цепь, ту, которую не держит Гордей, и раскачивать

Эми вместе. Мне так хочется смеяться с ними, вслушиваться в искренний смех сына, ловить влюблённые взгляды мужа.

Ловлю его взгляд. Поднимает бровь с таким видом, что я легко перевожу язык его мимики на человеческий - "Может, хватит уже пялиться на меня?"

Закатываю глаза вверх, зеркала ему: "Больно нужно! Я просто слежу, чтобы ты ребёнка не уронил".

Потом они идут в дом. А я, неприглашённая, остаюсь во дворе.

Я думала, что Эмиль будет бояться нового места и нового человека, но он практически не обращает на меня внимания - с любопытством разглядывает всё вокруг и спокойно даёт руку Трофимову.

В одном из кресел лежит огромный клетчатый плед. Беру его, укутываюсь. И мне чудится, что плед пахнет Горде-ем. Закрываю глаза и зачем-то представляю, что это не ткань укрывает мое тело, что это его руки обнимают меня. И я впервые за эти три года расслабляюсь... не телом, а как-то всем сердцем, всей душой... Нельзя! Нельзя мне ни думать, ни вспоминать ни о чем! Но как же не думать, когда он так близко?

А может, нужно было простить? Он ведь так и живёт один почему-то. Значит, не сложилось с той его... любовницей. И ни с кем не сложилось больше. Да ведь он даже не требовал у меня развод! Почему?

Может, если бы узнал о сыне, так и жили бы вместе?

В ответ на эту мысль внутри меня поднимается волна протеста! Так и жили бы? Он бы спал, с кем хотел, иногда возвращаясь, чтобы выполнить супружеский долг, а я бы умирала от ревности и боли? Нет уж! Не нужно мне такого семейного счастья!

А что нужно? Чего бы я хотела?

Мне бы вот так сидеть здесь, под этим пледом, и знать, что неподалёку вместе что-то делают два человека - маленький мальчик, без которого нет в моей жизни смысла и большой мужчина, без которого я живу, дышу, улыбаюсь, но не умею быть счастливой...

13 глава. Новые обстоятельства

НЮ "Я надеюсь"

Мальчик. Улыбается, смешно морщит нос. Красивый. Мне кажется, что похож он больше на Дани, но и на меня тоже. Глаза у него голубые, как у меня...

Как она могла? Какое имела право? Впрочем, она так и не призналась, что он - мой сын. А вдруг не мой? И внешнее сходство - просто совпадение? Может, прежде, чем какие-то права на него предъявлять, нужно было наверняка это узнать? А я, идиот, сразу с плеча рубанул!

Смотрю на Дани из окна. Мне кажется, что я ненавижу ее. Не знаю, можно эти мои чувства назвать ненавистью, но мне хочется подойти сейчас к ней, сидящей в плетеном кресле в беседке, взять за плечи и хорошенько тряхнуть, вытрясти из неё признание - зачем она так поступила со мной? И, самое главное, пусть честно об Эмиле расскажет!

Что я творю? Зачем их сюда приволок?

Игрушек купил. Качели эти установил.

Перевожу взгляд на пацана.

Он увлечённо расставляет машинки в ряд на полу, приговаривая:

-Полицина, мамина, Сэмина, дядина...

Чья-чья? Настораживаюсь я. Сэмина?

Совпадение? Или?

Присаживаюсь с ним рядом на пол. Беру в руки синий седан, действительно, похожий на машину Никиты - Сэм он с самого детства, потому что Самойлов.

-Ты катался в такой машине? - спрашиваю мальчика.

-Сэм катал! - с важным видом кивает он.

Сэм, значит. Не слышалось.

Она общается с Никитой? С чего бы вдруг? Но что-то слабо верить, что нашёлся какой-то другой Сэм.

-А Сэм, он... - неловко как-то у ребёнка выпрашивать, но на войне, как говорится, все средства хороши. - Часто у вас бывает?

Непонимающе смотрит на меня. А я ни хрена не знаю, как с детьми общаться. Опыта - ноль!

-Сэм приезжает к вам?

-Пиежает, - кивает он. - Живачки даёт. Маме нельзя говорить...

Та-ак. Всё так просто?

Даже не думал, что у ребёнка можно всё выяснить так запросто! И что только мне с этой информацией делать теперь? У Мерзавки расспросить? Или Самойлова сразу набрать? Блядь! В голове не помещается просто, что он мог вот так за моей спиной! Он мог так? Сука!

-Ты поиграешь здесь один? Я схожу и маму позову к нам?

Кивает, не отвлекаясь от игрушек.

Иду к ней. И это совсем не дело так реагировать! Но у меня словно пульсирует в груди. И чем ближе подхожу к ней,

тем пульсация эта сильнее! Я, как больной, как будто у меня тахикардия какая-то! И вот сейчас начинается приступ.

Красивая, зараза! Какая же она потрясающая! Но даже не в этом дело, не в красоте! Ведь правда, Трофимов? Эта её пластика, движения плавные, гордый поворот головы, и то, как покачиваются бёдра при ходьбе, её духи, её чувственные яркие губы... это всё просто сносило тебе башку всегда, с самого первого дня!

И не только это!

Весёлая, заводная, безумно красивая, умная, ни секунды на месте не посидит... Она всегда в центре внимания, всегда - душа компании... Была. Помнишь, как вы впятером угорали над заказами?

Она была своей в нашей "Лаборатории"! И мужики тоже чувствовали это. И, видимо, не один ты тогда голову потерял...

А она спокойно спит, укутавшись по самый подбородок в плед и положив голову на спинку кресла. Как идиот, стою и разглядываю, напрочь забыв о ребёнке, о Сэме, обо всём на свете!

Что я там хотел? Тряхнуть её? Признание выбить? Враньё! Я её просто хочу! На любых условиях! И пусть, пусть она была с другим, пусть ушла к другому! Я хочу её... трахать ее хочу! А потом пусть катится на все четыре стороны!

Но это бред! Бред же? Или нет?

Интересно, с ним, с тем, к кому ушла от меня, она была

такой же в постели? Такие же безумства творила, как и со мной?

Сжимаю челюсти до боли.

Она уже не твоя, Гордый, успокойся!

Но как тут успокоиться, если вот эти губы целовал другой мужик! И кто-то другой три года заставлял ее кричать от удовольствия... О, она такая... Громкая...

Я всё помню.

А если это Сэм? Если с ним она... Глаза застилает пеленой. Бордово-красной, под цвет пледа. И где-то там, на фоне этой кровавой простыни я вижу два извивающихся тела - Предательницы и Сэма! И вот сейчас, когда ее предательство обрело образы и лица, меня накрывает так, как никогда до этого, ну, может, кроме тех самых первых дней после ее ухода.

Хорошо тебе с ним? Хорошо, блядь?

А мне вот со всеми другими херово!

Стольких перетрахал, когда ты ушла, а ни радости, ни кайфа...

Предательница! Мерзавка!

И я бы никогда так не поступил в другой ситуации и с другим человеком! Но мой здравый смысл сейчас в отключке! И я творю полный треш!

14 глава. На шаг ближе

Сквозь сон я чувствую губы, прикасающиеся к моему лицу. Они скользят по щеке, трогают подбородок и накрывают мой рот!

Теплое дыхание. От него волоски на моей коже дыбом становятся. Тело напрягается. Оно так давно не испытывало ничего подобного!

Язык, оставляя влажный след, обводит мои губы по контуру и вдруг резко врезается, раздвигая их и проникая внутрь! И меня, словно молнией, прошивает насквозь пониманием: я его ощущаю, это Гордей меня целует. Он до боли знакомый на вкус. Родной. Такие вещи не забываются!

Мне столько раз снились подобные сны! И были они такими явными, такими правдоподобными! Как сейчас. Правда, заканчивались обычно слезами и чувством неудовлетворенности.

Мне сотни раз снилось, как Трофимов меня целует! В самом начале разлуки так вообще каждую ночь...

Но в этот раз я просыпаюсь до окончания поцелуя.

И этого не может же быть!

Но... Я распахиваю глаза и вижу перед собой закрытые глаза Гордея, его длинные ресницы, его широкие брови, складочку морщин на лбу!

И я не хочу - не хочу - не хочу ему отвечать! Нет-нет! Ни

за что! Я всё помню! Я ничего не забыла! Я не хочу, чтобы он думал, что я такая слабая!

Но просто мой организм ещё не проснулся! Я же сплю еще! Он ведь все равно не увидел, что я уже открывала глаза?

Быстро захлопываю их.

И отвечаю ему!

Мне кажется, что внутри меня, в моем изголодавшемся по ласке теле, происходит что-то похожее на землетрясение! Или, скорее на центрифугу! И я нахожусь в её самой крайней точке, где раскручивает сильнее всего! И я вращаюсь! И голова кружится. И низ живота наливается тянущей болью. И меня несёт, несёт куда-то, без возможности остановиться или хотя бы замедлиться!

Нет смысла врать себе.

Хочу его.

Хочу секса с ним.

Сейчас хочу!

Но циничная стерва, которая три года помогала мне бороться с собственной слабостью, нашептывает: "А он вчера, может быть, трахался с другой!"

Мозг приказывает взбесившемуся телу оттолкнуть, остановиться, но в этот момент наши языки касаются друг друга у меня во рту. И это касание отзывается мурашками по позвоночнику и микроспазмами там, внизу...

А я ни с кем ему так и не изменила. Хотя хотела это сделать назло. И могла. Но...

А вот он... Он же изменил мне! Он хотел другую женщину! Целовал её. Трахал её. На нашем столе, где и я с ним... столько раз! И он туда, на моё законное место, посадил какую-то другую бабу!

Гордей прикусывает мою губу. Жарко стонет мне в рот. От его низкого глубокого тембра мое сердце разгоняется в груди так, что, кажется, еще немного и ребра проломит!

Мое глупое-глупое сердце так только на него реагирует!

А вот он... Он с любой готов так целоваться и так стонать!

Ненавижу тебя, Изменщик!

Пусть тебе будет больно также, как и мне!

Кусаю его за нижнюю губу. Дергается в сторону. Но мой рот успевает наполниться металлическим привкусом чужой крови.

Так тебе и надо, Изменщик!

Ошарашенно, непонимающе, обиженно даже смотрит мне в глаза, языком трогая ранку.

- Сучек своих целуй! А меня не смей! Понял? - сбрасываю плед на пол беседки и подсакиваю на ноги. - Я тебе не... я не...

- Кто? Ну? Ты не кто? - хрипло спрашивает, отступая на шаг назад.

- Не подстилка какая-нибудь! - выдыхаю я.

- Ну, ты-то, конечно, нет! Для меня, нет, естественно! Ты на минуточку, вообще, до сих пор моя жена! Это ты с кем-то другим подстилка. Да, Дани?

То есть он мне изменял, а меня же ещё и оскорбляет! Просто верх наглости!

- Ах, ты! - замахиwaюсь, желая влeпить ему пощечину, как мечтала с того самого дня, когда узнала об измене, но он перехватывает руку за запястье, сжимает. - Ай! Больно!

- Не смей. Меня. Бить! - шепчет, стиснув челюсти.

- Не смей. Меня. Трогать! - возвращаю ему тем же тоном.

- Мерзавка!

- Изменщик!

- Кто? Я-я?

На его лице такое недоумение, что мне становится смешно! Ну, Трофимов! Ну, ты даёшь! Актёрище просто! Гениально! Не рекламой тебе надо заниматься, а в кино героев-изменщиков играть!

- Нет, я, наверное! - начинаю истерично хохотать, закрывая ладонью рот. - Ты, конечно. Это же ты...

Из дома доносится грохот.

В ужасе застываю на месте. Эми же там! А раз Трофимов здесь, то он, получается, там совсем один! Боже! Срываюсь бегом в сторону приоткрытой входной двери.

Гордей обгоняет и влетает внутрь первым.

15 глава. Ликбез для отца

Идиот! Я забыл о ребёнке!

Конечно, это ведьма-предательница виновата... Ну, и ещё немного виновата моя к ней непроходящая тяга.

Взлетаю вверх по ступенькам. Она бежит следом.

В прихожей вижу испуганного, взъерошенного, но, кажется, целого пацана - пытается засунуть ноги в ботиночки, чтобы, получается, сбежать с места преступления.

Увидев меня, вздрагивает, сжимается всем телом и начинает безо всяких там переходов и объяснений рыдать. Захлебываясь слезами, тянет руки к Дани:

-Ма-а-а-а-а-а-ма-а-а-а!

Ор настолько оглушительный, что у меня закладывает уши.

Дани хватает его на руки, прижимает к себе, целует лобик, щёчки. И меня, словно кипятком, болезненно обваривает мысль: "Боже мой! Это же моя Дани. А это - её мальчик. Её сын. И, возможно, мой тоже".

Мне кажется, по-настоящему я только сейчас осознаю весь ужас сложившейся ситуации! Она почему-то ушла. Родила. Без меня растила его. И если бы не Леон, подстроивший нашу встречу... Нет, точнее, если бы не Айнур, попросивший сделать рекламу их новому кафе, то я так бы и не узнал ничего.

Встречаемся с ней взглядами. И я ловлю её эмоции по отношению к сыну - безмерная любовь, нежность, жалость, радость, что он, вроде бы, цел. Она очень его любит.

А вот я его не знаю совсем.

И из-за неё был лишён возможности чувствовать то же самое, что чувствует сейчас она. А мог бы.

-Милый мой, хороший мой, что случилось? Ты ударился?

-Не-ет! - орёт он.

-А что тогда?

-Дядя лугать будет! - шепотом. Но мне слышно.

"Дядя" - это я.

Ну, здорово, что!

А ты, Гордый, хотел, чтобы, готовясь ко встрече, она ребёнку по полочкам разложила всю историю ваших отношений и обрисовала родственную связь? Хрен тебе!

Впрочем, отец я или нет - я сам не в курсе ещё!

-Не будет, - уверенно говорит она и бросает на меня хмурый и злой взгляд. - "Дядя" просто не знает, что маленьких мальчиков нельзя надолго оставлять одних!

Пацан, чувствуя, что часть вины уже переложена на другие плечи, моментально замолкает и даже исподлобья бросает подозрительный взгляд на меня, явно сканируя моё нервное состояние.

- "Дядя", конечно, этого не знал. Поэтому наказывать не станет. Но ты, Эмиль, как мужчина должен все-таки сам мне показать, что натворил.

-Покажешь? - спрашивает она, прикасаясь губами к его ушку.

А я, как дурак, застываю на месте, забывая, что нужно идти и посмотреть, что же такого он там грохнул в доме. Потому что губы у нее, мною зацелованные, припухли и контур их чуть покраснел. Потому что целовать её было настолько сладко, настолько сногшибательно, что я до сих пор возбуждён! Потому что мне мало! Я ещё хочу её! Я больше хочу!

И мне вообще по фиг, что там разбилось! Мне вот эта картинка - Дани с ребёнком на руках на фоне моей прихожей, в зеркале отражающаяся, - мне эта картинка, пусть и в другом виде, столько раз чудилась за эти годы, что поверить не могу в её реальность!

-Мы сейчас посмотрим, что там случилось, - мягко уговаривает она. - И домой поедem, да, сынок?

А моя интуиция тут же начинает нашептывать, что в следующий раз после произошедшего сегодня, мальчик ко мне не захочет ехать ни за что! Неприятные воспоминания...

-Домой? Ни за что! - я выдаю ему свою самую добрую улыбку, перехватываю у неё из рук. - Мы же ещё торт не ели! У меня, знаешь, какой торт есть?

-Какой? - загораются его глазенки.

Любит сладкое. Как его мать.

-Ему вредно! - ахает Дани.

-Такой не вредно даже тебе, - не могу сразу с игривого тона, каким говорю с мальчиком, переключиться на более хо-

лодный, обращаясь к Предательнице. - Торт у меня с собачками. Ты любишь собачек?

-Да, - по всей видимости, забыв о происшествии, пацан с интересом кивает. - Любу.

Проходим по гостиной, и я отмечаю, что разбилась жёлтая лампа, которую я ещё из квартиры привёз сюда. Пока идем на кухню, где на столе стоит огромный авторский торт с яркими пряниками в виде собак разных пород, мне в голову приходит замечательная идея! Все дети любят животных, так?

-А хочешь, мы с тобой завтра собачку купим? Такую ма-а-ленькую. Щеночка!

Ребёнок от восторга начинает хохотать и подпрыгивать у меня на руках:

-Хочу! Ула! Я буду гладить?

-Будешь, будешь. Поводок ей купим. Будешь приезжать ко мне и на прогулку водить.

Усаживаю за стол. Руки ж, наверное, помыть надо. Или и так сойдёт? Оборачиваюсь к Дани, думая, что она идёт следом. А её нет.

16 глава. Стрекоза в ладони

Ненавистная жёлтая лампа лежит на полу, разбитая вдребезги. Чудо просто, что ребёнок не порезался!

Это та самая... Я её узнаю из тысячи!

Застываю посреди комнаты. Оглядываюсь вокруг.

Здесь всё очень стильно. Красиво. Чисто.

Кто ему так всё обставил? Дизайнер? Или женщина? Трофимов сам бы не смог - его никогда не волновал быт. Он, по натуре своей, спартанец - минимум вещей, но хороших, дорогих, невычурная тачка, но премиум-класса. А тут всё дорого-богато и, надо признать, очень здорово.

Если женщина, то где она? Живёт здесь или так, приезжает иногда? От этой мысли внутри неприятно сжимается.

Присаживаюсь на корточки перед лампой. Эх, если бы не ты, я так и жила бы в неведении, обманываемая мужем!

Убрать осколки нужно. Но потянувшись к ним, тут же одергиваю руку. Пусть ему убирает тот, кто... убирает! Я в гости не напрашивалась! А убирать ему точно есть кому - тут вон, в доме, - ни пылинки не найти!

Задумываюсь. Судя по траектории полёта лампы, получается, Эми пытался залезть на полку со всякими безделушками. Любопытно, что его заинтересовало?

Подхожу ближе. Там - статуэтки в виде человечков в белых халатах и со всевозможными колбами, стоящие в замыс-

ловатых позах. Это - "Лаборатория рекламы", команда Гордея - такой у них концепт. Смешные. Но похожи очень на себя настоящих. Кто-то со знанием дела их создал или заказал.

Улыбаюсь. Как же было здорово, когда и я считалась членом этой команды! Каждый день с ними, на работе, был, как праздник! Касаюсь по очереди пальцами каждого. Один - с бородой. Это - Мир, получается. Второй - с тату на обнажённых по плечи руках. Сэм. Третий в модном шарфе, обмотанном вокруг горла. Француз. Рука тянется к тому, который, по всей видимости, Гордей... Завороженно всматриваюсь в то, что у него, игрушечного Гордея, в руках.

А в руках у него стрекоза.

Стрекоза.

Пальцы другой руки непроизвольно касаются цепочки, висящей на шее. Вытягиваю из-под одежды кулончик. Маленькая золотая стрекоза с желтыми камешками вместо глазок ложится в ладонь.

Это украшение мне ещё папа дарил на восемнадцатилетие. Оно со мной всегда.

Получается, частичка меня, пусть незаметная, пусть маленькая, все так же осталась с ними... У него в руках. Может, поэтому меня и не отпускает?

Иногда все слова мира не могут заменить одну незаметную, не бросающуюся в глаза мелочь. Но эта мелочь меняет всё.

И эту статуэтку со стрекозой вполне мог сделать кто-то

другой и подарить Гордею! Но... Он её хранил. Поставил на видное место. Это ведь что-то значит... Или нет? А ещё он меня целовал... Зачем-то же целовал? И уж точно можно сказать, что если бы он не хотел этого делать, то никто и никогда силком бы не заставил! Поэтому легко сделать вывод, что он хотел целовать именно меня! Да, впрочем, это было ясно и без особого умственного напряжения - по дыханию, по трепету его, по напряжению его тела...

Шаги за спиной слышу слишком поздно. Суетливо пытаюсь пристроить фигурку на место. Но понимаю, что уже слишком поздно, и он рядом, когда Трофимов произносит:

-У меня к тебе предложение. Давай поговорим? Просто сядем и обсудим, как взрослые люди, что у нас произошло тогда. Потому что, если честно, я до сих пор не понимаю!

Под его взглядом аккуратно ставлю фигурку на место. Свой кулон оставляю висеть поверх водолазки - не хочется привлекать к нему внимание Трофимова. Он провожает статуэтку взглядом. И переводит его на мою шею... Понял, получается, что я увидела и соотнесла.

Смущённо бормочу:

-Не выйдет...

Не успеваю объяснить, что имею в виду, он, естественно, перебивает:

-Ну, естественно! Другого я от тебя и не ждал! Но это просто подло, Дани!

-Гордей! - а я его имени все три года, кажется, не про-

износила. И сейчас оно непривычно выталкивается изо рта. Но звучит всё также - волнующе, красиво, мужественно. - Я просто не хочу поругаться при ребёнке! А мы поругаемся, это абсолютно точно!

Садится в кресло, устало потирает ладонью лоб.

- Не знаю, за каким хреном мне это теперь надо! Вроде бы чего тут решать? Ну, свалила ты тогда, ну, сделала свой выбор! Хотя нормальные люди свой выбор до печати в паспорте делают. Но это ладно... И вот сейчас. Ну, узнал я о ребёнке. Самое простое, знаешь, что для меня?

-Что? - спрашиваю шёпотом.

-Сделать тест, чтобы знать наверняка и просто общаться с ним, если он мой сын. А ты... С тобой нам и видаться не обязательно. Но вот интересно... Мы же с тобой в браке. Значит, он записан на мою фамилию. Так?

И на фамилию. И отчество твоё. Ну, а какое другое может быть, если отец - ты?

-Да, - признаюсь, потому что нет смысла врать - это легко выяснить.

-Отчество моё? - читает он мои мысли.

-Да, - шепчу еле слышно.

Он медленно поднимается и делает осторожный шаг в мою сторону. На секунду в моей голове появляется мысль, что нужно бы сбежать сейчас к Эми, пока ребёнок ничего не натворил, и мы ничего не натворили тоже... но Гордей шагает ещё раз. И становится вплотную. Так близко, что я его

чувствую - тепло его, запах его парфюма. И, как загипнотизированная, тупо смотрю на его губы. В голове практически пусто - только обжигающие картинки нашего недавнего поцелуя.

- Последний вопрос, раз уж пошёл такой разговор. Он - мой сын?

Как там в психологии? Спроси дважды так, чтобы, кроме "да", других вариантов ответа не было у собеседника, а потом добей любым интересующим вопросом. И он ответит "Да" снова. И я, сбитая с толку его шокирующей близостью, конечно же говорю "ДА"!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.